

Тема «жертв 1990-х» как один из основных элементов устного нарратива об эпохе

Михаил С. Остроухов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, msostroukhov@gmail.com*

Аннотация. В основу статьи легли материалы исследования коллективной памяти москвичей о 1990-х гг., проведенного автором в 2023–2024 гг. В ходе работы были собраны сорок пять глубинных интервью с москвичами, и на их основе описаны и проанализированы механизмы конструирования и функционирования устного нарратива об этом времени. Одной из важнейших выявленных закономерностей является то, что практически в каждом устном нарративе особое место отводится фигурам людей, наиболее, по мнению информанта, пострадавших от социальных изменений эпохи. Это приводит к тому, что информанты могут девальвировать ценность личного опыта, в результате чего на первое место выходит конструируемое в рассказе изображение жизненного опыта «подлинных» жертв эпохи (всегда представляющих какое-либо внешнее сообщество по отношению к самому информанту и его окружению, что не позволяет говорящему отождествить самого себя с ними), неизменно позиционирующегося как типичного для 1990-х гг. Причиной данного явления, вероятно, является закрепленная медиасемантическая нагруженность самого понятия «девяностые», отсылающая к набору связанных с ним коннотаций и обеспечивающая постепенное смещение вектора разговора с воспоминаний информанта о личной жизни на описание конвенционально типического опыта жизни в рассматриваемое время.

Ключевые слова: устная история, исследования памяти, глубинные интервью, 1990-е, Москва

Для цитирования: Остроухов М.С. Тема «жертв 1990-х» как один из основных элементов устного нарратива об эпохе // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 6. С. 113–124. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-6-113-124

The topic of “victims of the 1990s” as one of the main elements of an oral narrative about the era

Mikhail S. Ostroukhov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, msostroukhov@gmail.com*

Abstract. The article is based on the data of the author’s study of the collective memory of Moscow residents about the 1990s, conducted in 2023–2024 using forty-five in-depth interviews, the purpose of which was to describe and analyze the mechanisms of construction and functioning of the oral narrative about the 1990s in Russia. One of the most important identified patterns is that in almost every oral narrative about the 1990s, a special place is given to the figures of people who, in the informant’s opinion, suffered the most from the social changes of the era. Because of that our informants may devalue their personal experience; in such cases the image of the life of the “real” victims of the era (always representing some external community in relation to informants and their environment, which does not allow them to identify themselves with them), invariably positioned as typical of the 1990s, comes to the forefront. The reason for this phenomenon is probably the semantic load of the image of the Russian nineties created by the media, referring to a set of conventions associated with it and ensuring a gradual shift in the vector of conversation from the informant’s memories of his personal life to a description of the conventionally typical experience of life of the era.

Keywords: oral history, memory studies, in-depth interviews, 1990s, Moscow

For citation: Ostroukhov, M.S. (2025), “The topic of ‘victims of the 1990s’ as one of the main elements of an oral narrative about the era”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 113–124, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-6-113-124

Среди всех эпох недавнего прошлого образ 1990-х гг. занимает в российском общественном сознании особое место. Это проявляется даже на лексическом уровне: согласно данным НКРЯ [Бонч-Осмоловская 2018, с. 130], 1990-е гг. являются единственным десятилетием XX в., обладающим в русском языке устойчивым повсеместно употребляемым эпитетом – прилагательным «лихие», о чем свидетельствует фразеологизация выражения «лихие девяностые». Описывая особенности функционирования этого выражения в языке, А.А. Бонч-Осмоловская отмечает, что

оно «теряет свою функцию отсылки к коллективной памяти и начинает работать иным образом, являясь отсылкой к множеству контекстов его предшествующего употребления» [Бонч-Осмоловская 2018, с. 130]. Таким образом, закрепленный в медиапространстве конвенциональный образ 1990-х является настолько семантически нагруженным, что доминирует над коллективной памятью, ограничивая набор сюжетов, доступных для дефиниции опыта жизни в указанное время. Следы данного явления нам удалось выявить и в нашем исследовании, рассматривающем коллективную память москвичей о 1990-х гг.

Материалом для исследования послужили записанные нами глубинные интервью с сорока пятью информантами; самый молодой информант родился в 1978 г., самый пожилой – в 1924 г. Поиск информантов осуществлялся исходя из следующих параметров: информанты должны были быть рождены не позднее конца 1970-х гг., так как для нас были важны их личные воспоминания о начале 1990-х гг. Также они должны были проживать в Москве на протяжении всей жизни, за исключением случаев переезда в Москву с родителями в самом раннем детстве (рожденные после 1970 г.) или начала постоянного проживания в Москве до 1980 г. (рожденные до 1970 г.). Продолжительность записанных интервью составляет от тридцати минут до двух часов; они проводились как при личной встрече с информантами, так и с использованием различных средств связи – сервисов для онлайн-видеоконференций и телефонных звонков. Интервью были проведены в 2023 – начале 2024 г.

В начале интервью мы просили информантов рассказать, чем им запомнились 1990-е гг. Полученные ответы демонстрируют описанную И.А. Разумовой закономерность об «абсолютном значении» датировок событий личной жизни при описании прошлого [Разумова 2001, с. 134]. Краткий пересказ 1990-х гг., как правило, строился вокруг следующих событий: окончания школы, поступления в университет, создания семьи, рождения ребенка, переезда, смены места работы. Тем не менее тема социальных изменений возникала достаточно быстро, что на фоне не вызывающей сомнения исторической значимости 1990-х гг. не является удивительным. Представляемые социальные изменения, за редким исключением, не были привязаны к глобальным общественно-политическим событиям, а описывались как нечто непосредственно влияющее на человека или его ближайшее окружение, как правило, в бытовом или финансовом плане. Нарратив отражал степень влияния перемен на конкретного человека и мог быть более или менее развернутым. В ряде случаев информанты отрицали наличие существенных изменений в их жизни, тем не менее мотив перемен неизменно

вводился. Ниже представлены два типа рассказов – о «легком» и «тяжелом» влиянии перемен:

В первой половине девяностых я не работала, у меня был ребенок, ей было десять лет, плюс-минус. Она училась в школе, и я еще тогда сидела с ней, но это ничего не значит, я ходила также по магазинам. Потом вышла на работу. В девяносто пятом году я попала в коммерческую фирму, где мы занимались химчисткой машин. <А почему вы именно туда попали?> А просто предложила подружка, сказала, что там неплохо платят. И, собственно говоря, это было новое дело, это было... Ну, люди тогда даже не знали, что это можно делать. Ну и, соответственно, очень прибыльно было, то есть платили хорошо, работа была, собственно говоря, нелегкая, но платили хорошо (Инф. 1).

Самое печальное было в этих девяностых годах, что я лишилась своей любимой работы. Наш завод начал разваливаться полностью, и нас попросили всех уйти на пенсию, дали доработать до пенсии и всех отправили оттуда на свободный выгул, да. Вот это вот поменялось – то, что я осталась без работы, а заниматься чем-либо другим... практически только своими семейными делами, потому что муж занимался добыванием, так сказать. Его тоже сократили, но он работал, везде устраивался, а я уже больше на работу никуда не устраивалась. Ну, жизнь была такая, тяжелая жизнь была – стояние в очередях, талоны (Инф. 2).

Таким образом, рассказы о личной жизни в 1990-е гг. оказываются вписанными в глобальный нарратив об изменении жизненных реалий. Прямым следствием этого является акцентирование информантами внимания на первых годах десятилетия, на которые пришлось наиболее глобальные социально-политические изменения. Не выражаемой прямо, но подразумеваемой информантами главной характеристикой данных изменений является их способность фатально повлиять на судьбу человека, вследствие чего информанты, не считавшие, что их жизнь кардинально изменилась в 1990-е гг. в худшую сторону, были склонны представлять свой жизненный опыт нетипичным, несоответствующим времени по подобной модели:

Я, ну, достаточно спокойно прожила это время, вот я и хочу сказать, но я скорее исключение, нежели правило. Вот. А как вот эти девяностые годы прожила... Ну, давайте конкретно спрашивайте, конкретно буду отвечать. <Что вы можете сказать о нем в первую очередь?> Что в первую очередь? Что я нетипичный, так сказать, представитель.

Потому что меня не коснулось вот это безденежье, когда не платили зарплату. Я работала в системе Мосэнерго, а энергетика при любой власти, как говорится, это основная отрасль, что тогда, что сейчас. И поэтому зарплата у нас была стабильная (Инф. 3).

Всех наших информантов объединяет убежденность в том, что от описанных выше перемен определенные социальные группы пострадали больше других. На фоне того, что мы опрашивали москвичей разных возрастов и профессий, неожиданным и даже курьезным предстает тот факт, что ни один из наших собеседников не ответил утвердительно на вопрос о том, считает ли он особенно пострадавшим от перемен 1990-х гг. лично себя. Отрицание собственного статуса «подлинной» жертвы 1990-х гг. всегда осуществлялось по одной модели, целью которой было показать, что информант пережил рассматриваемое время с меньшими потерями, чем кто-либо еще. При этом категории наиболее пострадавших могли включать в себя практически кого угодно: поколение родителей информанта, подростков 1990-х гг., ветеранов войн в Афганистане и Чечне, рабочих – основным условием была невозможность для самого информанта отождествить себя с данной социальной группой. Мотивировки и формулировки наделения кого-либо статусом пострадавшего также могут быть практически любыми:

Кто-то вообще не смог встроиться в эту новую реальность, вот, например, мой папа не смог. Он вышел из НИИ, где у него было все понятно: командировки, огромные заводы, проекты, а потом все херак – и нет ничего (Инф. 4).

Меня, слава Богу, моих близких, родных и окружение, ну, как бы это не коснулось, а у знакомых, да, вот действительно так бывало, и ребята, ну, скажем так, как это сейчас говорится, с пути сошли, да, к сожалению, просто не все себя могли найти в тот момент. <...> Видимо, те, кто вот подростки были <с пути сошли>, да, потому что, знаете, как получилось, ведь там же еще пошли изменения и в образовательной системе (Инф. 5).

Возможно, стремление информантов убедить исследователя в том, что перемены 1990-х гг. не стали для них фатальными, продиктовано описанной еще М. Хальбваксом особенностью функционирования памяти: поскольку обращение к воспоминаниям является ничем иным, как «чистым и простым» удовольствием, оно позволяет увидеть в прошлом те приятные черты (как реально существовавшие, так и иллюзорные, появившиеся вследствие

неточности воспоминания/идеализации прошлого), которые были скрыты от глаз человека в то время, когда вспоминаемое время было настоящим, человеку приходится регулярно «ретушировать, подчищать и дополнять» воспоминания, конструируя комфортное для него самого изображение прошлого [Хальбвакс 2007, с. 150–151]. Как правило, это служит в том числе для повышения важности собственных воспоминаний, однако в нашем случае это дает противоположный результат – постулируемое несоответствие особенностей личной жизни в 1990-е гг. фатальному статусу времени девальвирует статус персонального опыта и на передний план выходят фигуры «истинных» жертв 1990-х. Отметим, что данное явление носит универсальный характер и может встречаться в интервью вне зависимости от пола, возраста и района проживания информанта.

Описывая категорию жертвы, А. Ассман обращает внимание на ее амбивалентность – «героическая» жертва легко становится частью коллективной или культурной памяти, так как ее участь исполнена смысла, имеет свое предназначение: «мученик» верует в какой-либо идеал и приносит себя в жертву во имя него. Для жертв как пассивного и незащищенного объекта, как отмечает А. Ассман, напротив, не существует апробированных культурой форм рецепции и мемориальных традиций [Ассман 2014, с. 76–77]. Однако нахождение темы нарушающих привычный уклад жизни социальных изменений в центре нарратива о 1990-х гг. само по себе предрасполагает к конструированию фигур «пассивных» жертв эпохи и обеспечивает для них устойчивое место в памяти информантов. Этими жертвами являются различные категории людей, которым произошедшие в указанное время перемены нанесли непоправимый урон; подчас они изображались жертвами в самом прямом смысле, так как фатальность описываемых информантами перемен характеризовалась как потенциальная прямая или косвенная причина смерти представителей пострадавших общественных групп; наличие таких жертв не оспаривается, их статус не подвергается сомнению. Практически во всех случаях их образ соседствует с в высшей степени распространенным в наших интервью тезисом об отсутствии стабильности и несправедливом отношении государства к людям как отличительной черте 1990-х гг.:

Очень многие, особенно пенсионеры, им пришлось туго. И это люди были на грани нищеты. В стране появилось... увеличилось количество бомжей. <...> Вот была категория людей, которые назывались, например, на северах они назывались «бичи». Это люди, которые жили, ночевали на теплосетях, такое прочее, и это всё пошло по всей

стране. То есть, очень многих людей довели до нищеты, разорили. Это люди старшего поколения. Хотя они многие очень крепкие морально люди, но тем не менее вот поступили с ними несправедливо. Уничтожили все их сбережения и стали платить мизерную пенсию (Инф. 6).

Были люди, особенно когда была смена денег, многие люди просто не выдер... Особенно старые, более старые люди, многие не выдерживали, некоторые, там, умирали даже вот именно от стрессовых ситуаций (Инф. 1).

Особое место в категории жертв 1990-х гг. занимают люди, в советское время находившиеся на государственной службе, в частности военные – в случае, если государство «отказалось» от них. Поскольку они воспринимаются информантами как люди, добровольно посвятившие жизнь стране, при описании перемен, произошедших в их жизни, появляется дополнительный мотив предательства и унижения их государством:

Горбачев много наделал вещей, одно из его предательств – это разрушение берлинской стены, даже не само разрушение берлинской стены, черт с ним, наверное, надо было это сделать, но он это сделал практически бесплатно. Он пятьсот тысяч человек советских солдат просто в поле за короткий срок... Сами немцы говорили, они готовы были за воссоединение Германии дать просто баснословные деньги, а в тот момент в Советском Союзе были деньги нужны дальше некуда. Ну, то есть он им разрешил воссоединиться, показав свою добрую волю, и тем самым выкинул пятьсот тысяч человек просто на улицу. Ну, то есть это такая, ну, другая история, это пострадали многие люди, и многие из них сломались, и так далее. И это прям такая трагедия у людей (Инф. 7).

Описанный выше поиск жертв перемен обнажает коллективное представление о 1990-х гг. как об *эпохе изменения жизненного уклада под влиянием порожденных деятельностью государства обстоятельств непреодолимой силы*, ставших особенно травматичными для отдельных групп населения. Смещая фокус с себя на них, сами информанты приобретают модус повествования свидетеля – лица, оценивающего насильственное действие и осуществляющего распределение ролей [Ассман 2014, с. 88]. Из выделяемых А. Ассман типов свидетельствования к модусу повествования информантов был наиболее близок тип исторического свидетеля – он находится на некотором отдалении от жертв, наблюдая за их судьбой со стороны, при этом акцентируя реальность и конкретность произошедшего

[Ассман 2014, с. 90]. Многие из наших информантов, вероятно, действительно воспринимали себя как одних из немногих «уцелевших» людей, способных объективно рассказать об обсуждаемом времени, вследствие чего, описывая реалии эпохи, неоднократно делали ремарки, призванные убедить исследователя в истинности своих слов.

В то же время задачей носителя статуса свидетеля является поддержание своего позитивного образа. Вероятно, в связи с этим в записанных нами интервью были распространены нарративы о помощи кому-либо из более пострадавших в 1990-е гг. Ниже представлен рассказ о безвозмездной помощи другу мужа информантки, которому платили зарплату колбасой:

У меня у мужа был приятель, который приносил нам, я вот только не понимаю, откуда он ее брал, какую-то колбасу на продажу. Может, с ними расплачивались колбасой, а потом эту колбасу надо было каким-то образом реализовать, но это была не вареная, а сырокопченая колбаса, которая не портится. Ну, долго не портится. <Он предлагал вам ее купить?> Нет, он приносил продавать. Он приносил на реализацию, чтобы предложить, чтобы я, допустим, или мой муж предложили ее каким-то своим знакомым. Да, такое было, и как получалось что-то из этого, то есть продавалась колбаса, кончалась. Только я этим конкретно не занималась, по-моему, это муж больше занимался этим, мне просто некогда было. <Вашему мужу оставались какие-то деньги, за то, что он помогал продавать эту колбасу?> Ну, прямо. Они же были друзьями. Незачем, они были друзьями. Потом это было, ну не так, чтобы прям партиями, какое-то огромное количество. Нет, это было так – немножечко в сумочке принесет, ну, нам принесет, кому-то еще принесет (Инф. 8).

Интересной особенностью является то, что сам статус неопстрадавшего свидетеля воспринимался информантами как нечто, требующее оправдания. Если кто-то из наших собеседников заострял внимание на том, что его самого или его окружение не затронуло какое-либо из известных ему опасных явлений 1990-х гг., то он мог сделать ремарку, что отсутствие травматического опыта было связано со случайностью, везением, из чего следует вывод, что статус жертвы в рамках воспоминаний о жизни в 1990-е может восприниматься более нормальным, чем статус неопстрадавшего:

В моем окружении, а у меня было много знакомых, ну ни с кем ничего не произошло, ни с кем ничего не случилось. Никто никуда не попал. Ну, вот какие-то там слухи, вот через одного, там вот какая-то

вот такая вот история, которую все друг другу рассказывали про то, вот как кто-то влип, не было такого. Нет, у меня такого не было. Вот лично у меня такого не было. Может, мне просто повезло, что я росла в такой семье, в такой среде, где таких людей не было. Вот и всё. Хотя, у нас даже среди одноклассников были такие люди, которые потом пошли по этому кособою <криминальному> пути, ну, они сами выбрали этот путь (Инф. 9).

Таким образом, несмотря на то что в большинстве случаев ретранслируемый информантами нарратив о 1990-х гг. оказывается вписан в рассказ о личной жизни, наиболее важную роль в нем приобретает глобальная категория жертв произошедших в стране изменений. Тема судеб жертв эпохи может вводиться в разговор даже при отсутствии таких людей в ближнем кругу информанта, сочувственное отношение к ним становится своеобразной индульгенцией, дающей моральное право на свидетельство о 1990-х гг.

Причиной столь глобальной роли фигур «жертв» в устном нарративе о 1990-х нам представляется то, что описанная А.А. Бонч-Осмоловской особенность функционирования в языке выражения «лихие девяностые» носит более глобальный характер: само существительное «девяностые» в актуальной языковой картине, по всей видимости, является самостоятельным маркером принадлежности к составляющим нарратива, созданного в публицистике и массовой культуре. Подтверждением этого могут в частности служить популярные несколько лет назад в российском сегменте TikTok «тренды», связанные с использованием в одежде конвенционального «стиля девяностых»: несмотря на то, что соответствующие видео создавались преимущественно подростками и молодыми людьми, не заставшими 1990-е гг. лично, и в целом были лишены каких-либо оценочных или политических мотивов, в них присутствовали элементы классического для репрезентации российских 1990-х в медиа образа «бандитского» внешнего вида [Остроухов 2023, с. 23]. Если наше предположение о принципах функционирования существительного «девяностые» верно, то сама тематика интервью (при заключении договоренности о нем всегда указывалось, что предметом разговора будут воспоминания о жизни информанта в 1990-е гг., с конкретным указанием десятилетия) выступала своеобразным триггером, заранее обеспечивающим смещение траектории разговора с воспоминаний о личной жизни на обсуждение глобальных негативных последствий перемен и предрасполагающим к сравнению своей судьбы с судьбой наиболее пострадавших от них.

В то же время в конструировании образов «жертв» можно увидеть и прагматическое значение, если рассмотреть его как механизм «оптимизации» воспоминаний в соответствии с функциями памяти, выделяемыми А. Портелли, – символической, психологической и формальной¹. При такой оптике фокусировка на «жертвах» служит для определения временных рамок российских девяностых как особой эпохи – поскольку нарратив о 1990-х гг. выстраивается вокруг примеров влияния новых реалий на жизнь людей, символическое окончание эпохи в этом случае логически привязывается к моменту адаптации к ним. Конструирование представления о судьбах наиболее пострадавших других людей и фактическое становление его символическим воплощением типического опыта жизни в России в рассматриваемую эпоху может служить для комфортного совмещения существующего в медиасреде образа 1990-х как тяжелого времени и персональной памяти таким образом, чтобы воспоминания о личной жизни остались за пределами пространства травматического. Поскольку многим из наших информантов в 1990-е гг. пришлось самим столкнуться с различными трудностями, выстраивание образов более пострадавших людей трансформировало прагматику воспоминаний, превращая их из рассказа о сложном прошлом в личную историю успеха, прохождения через испытания эпохи с меньшим ущербом, чем у других людей.

Список информантов

- Инф. 1 – женщина, 1961 г. р.
- Инф. 2 – женщина, 1938 г. р.
- Инф. 3 – женщина, 1946 г. р.
- Инф. 4 – женщина, 1966 г. р.
- Инф. 5 – женщина, 1973 г. р.
- Инф. 6 – мужчина, 1958 г. р.
- Инф. 7 – мужчина, 1978 г. р.
- Инф. 8 – женщина, 1945 г. р.
- Инф. 9 – женщина, 1973 г. р.

¹ Портелли А. Смерть Луиджи Трастулли: Память и событие // Хрестоматия по устной истории / пер., сост., введ., общ. ред. М.В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2003. С. 230.

Литература

- Ассман 2014 – Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- Бонч-Осмоловская 2018 – Бонч-Осмоловская А.А. Имена времени: эпитеты десятилетий в национальном корпусе русского языка как проекция культурной памяти // Шаги. 2018. Т. 4. № 3–4. С. 115–146.
- Остроухов 2023 – Остроухов М.С. Рецепция 1990-х в современной молодежной культуре (на примере трендов в TikTok) // Проблемы филологии глазами молодых исследователей: сборник материалов международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Филология в XXI веке» (Пермь, 19–20 мая 2023 г.). Пермь: ПГНИУ, 2023. С. 22–27.
- Разумова 2001 – Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи: Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 374 с.
- Хальбвакс 2007 – Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.

References

- Assmann, A. (2014), *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Bonch-Osmolovskaya, A.A. (2018), "Names of time: Epithets of decades in the Russian National Corpus as a projection of cultural memory", *Steps*, vol. 4, no. 3–4, pp. 115–146.
- Halbwachs, M.S. (2007), *Sotsial'nye ramki pamiati* [Les cadres sociaux de la mémoire], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Ostroukhov, M. (2023), "Reception of the 1990s in Contemporary Youth Culture (using the example of trends in TikTok)", *Problemy filologii glazami molodykh issledovatelei: sbornik materialov Mezhdunarodnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchennykh "Filologiya v XXI veke" (Perm', 19–20 maya 2023 g.)* [Proceedings of the international conference of students, postgraduates and young scientists "Philology in the 21st century"], PGNIU, Perm', Russia, pp. 22–27.
- Razumova, I.A. (2001), *Potaennoe znanie sovremennoi russkoi sem'i: Byt. Fol'klor. Istoriya* [The hidden knowledge of the modern Russian family: Life. Folklore. History], Indrik, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Михаил С. Остроухов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; msostroukhov@gmail.com

ORCID ID: 0009-0006-6255-1803

Information about the author

Mikhail S. Ostroukhov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; msostroukhov@gmail.com

ORCID ID: 0009-0006-6255-1803